

Пищальникова В.А.

**МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
КАК РЕПРЕЗЕНТАНТОВ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
«ЕСТЕСТВЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»[©]**

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, pishchalinikova@mail.ru*

Аннотация. Трансформация системы базовых ценностей специфически отражается в изменении семантики фразеологизмов разного типа. Они стабилизируют культурные значения, актуальные для разных периодов функционирования социума, но одновременно испытывают изменения, которые доказывают, что семантическая подвижность фразеологизмов является показателем неустойчивости культурных смыслов в разные периоды существования социума. Разрушение ценностных представлений вызывает трансформацию ценностной структуры слова, обозначающего аксиологическое *понятие*, а вслед за этим – содержание фразеологизма, включающего ценностный компонент. Фразеологизм реализует определенные смыслы, составляющие содержание базовых ценностей.

Ключевые слова: базовые ценности; оценка; фразеологизм; культурная коннотация; культурное значение; культурный смысл.

Поступила: 29.02.2024

Принята к печати: 28.03.2024

Pishchalnikova V.A.

The analysis framework for phraseological units as representatives of basic values: “the natural Chinese experiment”[©]

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, pishchalnikova@mail.ru*

Abstract. The transformation of the system of basic values is specifically reflected in the change in the semantics of phraseological units of various types. They stabilize cultural meanings relevant to different periods in the functioning of the society, yet at the same time experience changes that prove that the semantic mobility of phraseological units is an indicator of the instability of cultural meanings in different periods. The destruction of value representations causes the transformation of the value structure of the word denoting the axiological concept, and after that – the content of phraseology, including the value component. A phraseological unit entails certain meanings that make up the content of basic values.

Keywords: basic values; evaluation; phraseology; cultural connotation; cultural significance; cultural meaning.

Received: 29.02.2024

Accepted: 28.03.2024

Введение

Ценостные характеристики бытия постоянно изменяются, и наука постепенно сформировала два методологических подхода к изучению «аксиосферы культуры» (М.С. Каган): 1) ценностное сознание рассматривается не как способ познания ценностных форм бытия, а как основа их конституирования («основанием всего ценностного мира выступает культура» [Плотников, 1996, с. 201] и др.); 2) история культуры рассматривается как процесс развития ценностного сознания, лежащего в основе развития культуры ([Каган, 1997] и др.).

Сторонники первой позиции обоснованно полагают, что носитель ценностей – человек, а ценности порождаются культурой. Это позволяет рассматривать систему ценностей социума как синхронически, так и диахронически, но при этом вопросы о закономерностях развития ценностных систем и о главном факторе их развития остаются открытыми. Сторонники второй позиции объ-

ясняют постоянную реструктуризацию аксиосферы сменой ценностных доминант, которая осуществляется в противодействии религиозных взглядов, направлений искусства и науки, философских позиций с целью достижения лидерства в духовной культуре.

Но в любом случае существенным и пока не разрешенным остается вопрос о поиске закономерностей взаимодействия ценностей и культуры, приводящих к изменениям в системе ценностей. И вопрос этот не может быть разрешен без включения индивида в отношения *ценность – культура*, порождающего *аксиологическое отношение* к системе ценностей лингвокультуры. Именно смысл, порождаемый индивидом, воспринимающим содержание той или иной ценности, становится основой как для ее стабилизации, так и для развития ее содержания в стихийном процессе формирования культуры, поскольку ценности не определяются эмпирическими качествами предметов.

Образная основа фразеологизма: стабилизирующий признак и основа трансформации

Многие исследователи считают, что самой простой и распространенной формой ценностного сознания является оценка, которая играет ведущую роль в формировании ценностного отношения как результата смыслообразования при восприятии и понимания содержания ценностных систем. При этом необходимо различать ценностные, познавательные и утилитарные оценки как способы установления значимости объектов действующим субъектом. Познавательные и утилитарные оценки формируют праксиологические суждения (*это мне полезно*); ценностные суждения (*это бесполезно, но мне дорого*) являются основанием оценки предметных и других ценностей.

В связи с вышесказанным проблемы репрезентации ценностей в языковых единицах приобретают особую важность, поскольку позволяют, используя письменные и иные источники, проследить динамику содержания этих единиц и установить закономерности взаимодействия культурных смыслов с вербальными смыслами.

Так, фразеологические единицы (далее ФЕ), по общему мнению, наиболее очевидно проявляют национально-культурную

обусловленность значения, испытывая в процессе формирования сильнейшее влияние самых разнообразных экстра- и интралингвистических факторов: от специфики природной среды и гуманистического наследия до особенностей национальной ментальности и структурной специфики языка. Все эти факторы в совокупности приводят к формированию содержательных и формальных свойств ФЕ, которые проявляются в разных аспектах их рассмотрения, классификациях фразеологизмов, построенных на разных основаниях и др.

ФЕ – специфичный знак, отличающийся образностью его внутренней формы (в терминологии В.Н. Телии, – образным основанием ФЕ). В самом общем виде образность значения возникает тогда, когда один объект *наглядно* запечатлевается в другом. Фразеологизм, создаваемый семантическим переносом значения, как раз и позволяет представлять один объект в другом, причем метафоризация может осуществляться не только на непосредственном сходстве различных признаков соотносимых объектов, но и на аналогии. Следовательно, метафоризация может осуществляться на разных уровнях абстрагирования признаков от реалий и порождать знаки разной степени абстрактности, что отражается в классификации ФЕ по «степени связности компонентов».

Образность как результат метафоризации – это, по сути, со-существование в ФЕ ассоциативно связанных актуальных признаков культурных реалий. Образность – не только «семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определенное внеязыковое содержание» [Лукьянова, 1986, с. 56], но одновременно *культурно-языковая* его характеристика, отображающая некий фрагмент содержания лингвокультуры, который является и основанием стабильности ФЕ и базой его трансформации. Образность как свойство ФЕ (и лексем) проявляется в их способности вызывать в сознании наглядное представление, на основе которого индивид воспринимает как предметно-вещественное, так и понятийно-логическое содержание этих единиц. Отсюда смысловая и структурная двуплановость ФЕ, объединяющая предметно-понятийный (обобщенный чувственно-наглядный образ) и ассоциативно-образный планы лексической единицы. И если для лингвокультуролога эта образность – *системообразующий компонент* ФЕ, компонент, *стабилизирующий* значение фразеологизма, то в деятельностных концепциях, в том числе в этнопсихолингвистике, акцентируется

динамический аспект образности, связанный с потенциальным ее изменением в силу ассоциативной природы метафоризации. Образность фиксируется знаком, стабилизируется им, но от этого не перестает быть связанной бесконечными ассоциациями с другими компонентами смыслопорождения, а потому и выступает основой для изменения самой себя.

Культурный смысл

Понимание того, как и почему значимые для общества культурные значения, представленные в компонентах ФЕ, могут изменяться, требует объяснения. Исследователи говорят об образном основании ФЕ (В.Н. Телия), образной мотивированности единиц языка, понимаемой по-разному (А.Ю. Белова, Т.А. Сидорова, Е.Н. Топорова, С.Г. Тер-Минасова), образной мотивации лексем (О.И. Блинова, Е.А. Иванникова, Э.В. Кузнецова, В.В. Левицкий) и др.

Подчеркнем еще раз, что с позиций этнопсихолингвистики при изучении ФЕ как репрезентанта культурно-национального содержания акцентируется динамический аспект образности, что отличает это направление исследований от всех других. В связи с этим и концептуальный аппарат многих междисциплинарных направлений (разных концепций лингвокультурологии, культурологии, эколингвистики, этнопсихолингвистики), внешне сходный, существенно отличается друг от друга; к тому же во многих междисциплинарных направлениях терминологический аппарат находится в стадии формирования, что обусловлено рядом причин, в том числе наличием глубоких и существенных связей между дисциплинами. Так, М.Л. Ковшова пишет: «Методы и метаязык лингвокультурологии органично переплетены с методами этнолингвистики, которая предшествовала лингвокультурологии и явила ее теоретическим фундаментом. Этнолингвистика изучает, с одной стороны, взаимодействие лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в развитии языка, с другой, – с помощью лингвистических методов – семантику культуры, народной психологии и мифологии независимо от кода их проявления (слова, предмета, обряда и др.). Лингвокультурология <...> в отличие от этнопсихолингвистики <...> исследует взаимодействие языка и культуры в диапазоне синхронного культурно-национального самосознания

и его языковой презентации. Лингвокультурология также близки контрастивная лингвистика и лингвострановедение» [Ковшова, 2013, с. 49–50]; лингвокультурология близка «когнитивной и культурно-семиологической парадигмам в лингвистике» [там же], и указание на то, что лингвокультурология сосредоточивается на исследовании культурно-специфичного знака в «научном поле исследования языка, сознания, культуры и коммуникации» [там же] только усложняет проблему содержания терминов, обслуживающих разные направления в обозначенном проблемном поле. Этнопсихолингвистическая парадигма, применяемая к исследованию вербальной репрезентации ценностей, естественно вырабатывает ряд специфических понятий, основанных на базовых положениях теории речевой деятельности А.А. Леонтьева.

Отметим, что в наиболее устоявшейся школе лингвокультурологии – научной школе В.Н. Телии – практически единственный термин, употребляемый единообразно вслед за создателем направления, – *культурная коннотация*. Под культурной коннотацией В.Н. Телия и ее последователи понимают отношение между значением единиц естественного языка и пространством культуры – сформированными в нем символами, ритуалами, мифологемами, эталонами, стереотипными представлениями и т.п. ([Телия, 1993; Беляевская, 2007; Ковшова, 2013] и многие др.).

Культурный смысл определяется в рамках школы В.Н. Телии в самом общем смысле как «одна из форм проявления результатов взаимодействия языка и культуры, входящая в семантику языкового знака в виде культурного компонента» [Ковшова, Гудков, 2018, с. 56]. Вместе с тем М.Л. Ковшова ставит знак равенства между культурным смыслом и ценностным содержанием: «...культура <...> понимается как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов, или вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов» [Ковшова, 2013, с. 47].

Вполне понимая такую постановку вопроса, мы, однако, не говорим в работе о культурной коннотации в лингвокультурологическом смысле, а пользуемся понятием *культурного смысла как психологически актуального для носителей лингвокультуры содержания слова / ФЕ в речевой деятельности*, что определяется

рамками деятельностной (этнопсихолингвистической) парадигмы. Мы акцентируем, что актуальность культурного смысла определяется составом базовых ценностей, установленных эмпирически и экспериментально в лингвистических, психолингвистических, социологических и других работах, и их иерархией в пределах каждой лингвокультуры. Вместе с тем мы употребляем термин «коннотация» (коннотация национально-специфичного ФЕ) в собственно лингвистическом смысле в качестве содержания оценочного, экспрессивного, эмоционального и стилистического характера, дополнительного к основному, лексическому значению.

Понимание культурного значения и культурного смысла в этнопсихолингвистике основано на базовом противопоставлении личностного смысла и психологического значения как фундаментальных категорий теории речевой деятельности А.А. Леонтьева. Впервые это противопоставление представлено Л.С. Выготским. Смысл, по Л.С. Выготскому, – это совокупность всех актуальных для индивида психологических компонентов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл всегда динамичен, имеет несколько зон различной семантической устойчивости, может быть отделен от выражающего его слова и представлен любым другим знаком. Смысл – это содержание слова / предмета / понятия и т.д., субъективно важное в деятельности индивида (в том числе речевой) и, следовательно, обозначающее определенное аффективное (в том числе ценностное) отношение к этому содержанию. Такое понимание позволяет рассматривать культурный смысл как совокупность всех актуальных для индивида психологических компонентов, соотносимых с системой базовых ценностей вообще и с конкретными ее составляющими, и тем самым показать, что динамика ценностей – процесс закономерный [Пищальникова, 2019].

Значение же (психологическое значение) – это реальная система обобщений, которая стоит за словом и которая сформировалась в процессе социального бытия языка. Это, по сути, интерсубъектное содержание, стоящее за словом. В применении к задачам исследования базовых ценностей можно считать, что культурное значение – обобщенное содержание базовой ценности лингвокультуры, репрезентированное языковым знаком (и другими конвенциональными знаковыми системами) [Пищальникова, 2019]. Отметим, что термин «культурное значение» в лингвокультурологии

практически не употребляется и в известных нам словарях не отмечен.

Такое соотношение исследовательских концептов не противоречит известной концепции культурной памяти Ю.М. Лотмана, в рамках которой ФЕ – элементы культурной памяти разного объема; теории культурной информации [Зыкова, 2011]; концепции М.Л. Ковшовой, но акцентирует значимый для нашего исследования вывод, что культурный смысл не является стабильным результатом общественного развития – в противном случае невозможно объяснить постоянные изменения в иерархии системы базовых ценностей этноса / социума. Дело не только в воздействии на эту систему внешних факторов разного характера, но и в формировании психологической ценностной ориентации индивидов, совместная деятельность которых и приводит к дестабилизации иерархии ценностей.

Задача лингвокультурологии, по В.Н. Телии, – исследовать культурную интерпретацию языковых знаков, в том числе ФЕ, восприятие образного языкового знака в пространстве культуры, выявление синтеза языка культуры и естественного языка. Но установление закономерностей такого восприятия образного знака, помимо выработки теоретических оснований, требует серьезного и многолетнего эксперимента. В связи с этим мы поставили в работе иную задачу – показать динамику содержания ФЕ как презентанта культурно значимого содержания, причем делаем это на основе китайского языка, и вот почему. Во-первых, в современном Китае создалась уникальная культурно-историческая ситуация: здесь список базовых ценностей закреплен законодательно и ценности непрерывно, систематически пропагандируются, намеренно разъясняется их содержание, взаимосвязи, постоянно подчеркиваются связи «ценностей социализма с китайской спецификой» и ценностей традиционных. Во-вторых, особенности истории Китая позволяют проследить развитие содержания ФЕ от династии к династии и акцентировать уникальное объединение в культуре каждой династии религиозных, философских, социальных и иных факторов, рождающих системы ценностей. Для этого есть необходимые письменные источники. Сложившаяся ситуация в известном смысле может рассматриваться как «условия естественного эксперимента»

для установления закономерностей отображения ценностей во фразеологической (и в целом лексической) системе языка.

Фразеологизмы отображают по преимуществу обиходно-эмпирический и исторический опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями, религиозными представлениями и национальным самосознанием. Фиксируется этот опыт посредством образных представлений, лежащих в основе внутренней формы фразеологизма. Внутренняя форма выступает стабилизирующим компонентом, позволяющим ФЕ, с одной стороны, сохранять устойчивость, культурно-национальную специфику, с другой – модифицировать определенные компоненты семантики и структуры. Это подчеркивает В.Н. Телия, говоря о том, что средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов является их «образное основание, а способом указания на эту специфику – *интерпретация* образного основания в знаковом культурно-национальном пространстве данного языкового сообщества» [Телия, 1993, с. 304] (курсив наш. – В.П.), поэтому ФЕ можно рассматривать как культурно маркированный элемент языка.

Еще в 1970–1980-х годах в отечественной лингвистике активно разрабатывалась мысль о том, что семантические отношения в языке характеризуются внутренней противоречивостью: «...с одной стороны, им свойственна устойчивость: слово, морфема обозначают определенный предмет, класс предметов или тип отношений. С другой стороны, они отличаются большой подвижностью: языковые формы легко меняют свою референционную соотнесенность...» [Гак, 1976, с. 73]. Это вполне приложимо и к характеристике ФЕ несмотря на их идиоматичность как одно из основных свойств, поскольку подавляющее большинство ФЕ активно используется в разговорной речи, подверженной стохастическому воздействию разнородных факторов.

Образная мотивированность ФЕ, связанная с мировидением носителя языка, позволяет сохранять и редуплицировать содержание национально-культурных стереотипов, символов, базовых ценностей. Однако *расширение* значения ФЕ тоже определяется потенциальными возможностями мотивирующего образа к трансформации: чем больше национально-культурных смыслов ассоциативно связаны с образом, лежащим в основе ФЕ, тем чаще он подвергается семантическим изменениям. Мы исследуем компоненты ФЕ,

репрезентирующие традиционные символические представления, которые и в настоящее время являются *психологически актуальными культурными смыслами*, соотносимыми с базовыми ценностями китайского народа. Под базовыми ценностями мы понимаем «совокупность аксиологических представлений, содержание которых определяется способами поведения и деятельности, одобряемыми и предпочитаемыми этносом» [Пищальникова, 2021, с. 310].

Смыслы китайской лингвокультуры

Понимание того, как и почему значимые для общества культурные смыслы, представленные в компонентах ФЕ, могут изменяться, требует знания о разных сторонах моделирования мира. Исследователи выделяют совокупность универсальных источников образной мотивированности ФЕ, к наиболее древним и существенным из которых относят *архетипы* как психические структуры и образы, составляющие содержание коллективного бессознательного и определяющие символику и традиции разных культур [Юнг, 1991]. Например, фразеологизм 阴错阳差 (буквально: *ошибки в Инь-Ян / недостаток Инь, ошибка Ян*) имеет значение ‘печальная ошибка, недоразумение, недопустимая путаница’, вызванная случайными факторами. Идиома впервые используется в драме «Яньцзы цзянь» известного драматурга династии Мин Жуань Дачэня, изначальное значение – ‘несчастливый день’. Согласно расчетам китайской астрологии, это день, когда есть недостаток энергии Ян или энергии Инь.

В идиоме представлены два основных понятия древнекитайской философии: 阴 (Инь) и 阳 (Ян) как высшие архетипы, которые, будучи представителями противоположностей мира, являются движущей силой, стоящей за рождением, развитием, зрелостью, упадком и кончиной всего сущего; это ключевой элемент, который закладывает основу логического мышления китайской цивилизации и составляет основу двоичного кода китайской культуры (Солнце и Луна, Небо и Земля, свет и тьма, мужское и женское начало и т.д.), одновременно символизируя необходимость соблюдения баланса между ними, мировую гармонию. На базе архетипов возникают философские представления и понятия, которые тоже могут стать образной основой ФЕ.

Естественно, что в стране с такими сильными и разными религиозными традициями основой образной мотивированности ФЕ может выступать та или иная религия, причем не только отражение важнейших концептуальных положений, но и даже каких-то неодобляемых бытовых поведенческих моделей, так или иначе связанных с Божеством. Например, ФЕ 借花献佛/ (буквально: *занять цветы для подношения Будде*) означает 1) ‘одолживать что-либо, чтобы оказать услугу, проявить любезность’, но в разговорной речи может употребляться и в ином значении: 2) ‘сделать подарок за чужой счет, передарить полученный подарок’; 3) ‘на чужой счет, за чужой счет’; 4) ‘приписывать себе чужие заслуги’; 5) ‘присваивать чужие права’ [Словарь китайских идиом, 2019, с. 754]. Впервые выражение используется в период династии Юань (монгольская династия, при которой одновременно существовало множество религий – буддизм, ислам, христианство, манихейство, но отдавалось предпочтение тибетскому буддизму, который, по сути, стал государственной религией, а для надзора за буддийскими монахами были созданы специальные комиссии по всей империи).

История чэньюя восходит к периоду Южных и Северных династий и первоначальный смысл ее состоит в следующем: принося цветы Будде, вы получите невероятные благословения, даже если цветы «одолжены». Главное – не цветы, а искреннее желание сделать подарок Будде. Притча такова: когда родился Будда Шакьямуни, нужно было преподнести подарок в честь рождения. Один монах долго искал лотосы, но их нигде не было. Вдруг он увидел женщину, под одеждой которой было пять цветков лотоса: когда монах проходил мимо, то цветы лотоса показались из-под одежды. Монах попросил продать ему цветы, но женщина сказала, что они должны быть дарованы правителю. Тогда монах предложил немыслимые деньги за эти цветы – женщина была тронута до глубины души и передала эти цветы монаху бесплатно, чтобы он принес их в подарок новорожденному, а она могла изменить свою судьбу. (При этом не стоит забывать, что буддизм – это не китайская религия, она стала государственной в танский период, и буддийские монахи путешествовали по всему Китаю и пограничным регионам и активно насаждали свою религию, уничтожая местные культуры, в том числе родовые храмы, основу семейственности и клановости.)

Архетипы реализуются в многочисленных легендах, мифах, обычаях и традициях, содержание которых может закрепляться в идиомах. Так, идиома 精卫填海/ (буквально: *Цзинвэй заваливает камнями море*) возникает в эпоху Сражающихся Царств и изначально является метафорой для обозначения крайней степени злобы и непреодолимого желания свести счеты, впоследствии используется в качестве определения или сказемого для обозначения 1) ‘непреклонной воли, решительности’, а также 2) ‘мужества и бесстрашения’ [Словарь китайских идиом, 2019, с. 784]. Выражение восходит к легенде о Нюйва – любимой дочери бога солнца Яньди, которая решила поплавать в маленькой лодке по Восточно-Китайскому морю, но начался шторм, лодка перевернулась, и девочка погибла. Отец тосковал по любимой дочери и не смог использовать свет и тепло, чтобы воскресить ее. Но Нюйва не могла смириться со своей смертью и ее душа превратилась в маленькую птичку. Она ненавидела то, что безжалостное море отняло у нее жизнь, поэтому часто летала на гору Сишань, чтобы поднять маленький камешек или веточку; расправляла крылья и летела до самого Восточно-Китайского моря. Море смеялось над ней, говорило, что и за сотни тысяч лет невозможно сравнять море с землей. Но маленькая птичка в ответ мужественно продолжала носить камни и ветки, чтобы заполнить море печали и ненависти. И крик этой птицы «Цзиньвэй» стал символом мести [Ян Цзяньфэн. Китайские сказки, 2018, с. 21]. В династии Цзинь поэт Тао Юньмин (ок. 365–427) использует образ Цзиньвэй как символ упорства и настойчивости, впоследствии в династии Цин ФЕ начинает использоваться для обозначения жертвенности во имя будущего человечества. Такое изменение семантики ФЕ является типичным для китайской фразеологии.

В основу значения ФЕ может быть положен обычай, задающий одобряемые модели поведения. Например, фразеологизм 北面称臣/ (буквально: *встать лицом к северу и называть себя вассалом*) означает ‘склониться перед правителем, признать себя подданным, добровольно сдаться в плен’ [Словарь китайских идиом, 2019, с. 76]. Его содержание восходит к древнекитайскому обычью императорских дворов, когда император всегда сидел на троне лицом

на юг¹, а сановники стояли лицом к императору [Ли Ли, Ли Шуцзинь, 2018]. Содержание ФЕ 掩耳盜鈴 (заткнув уши, воровать колокольчик) означает ‘не признавать очевидного, прятать голову в песок, обманывать себя, строить иллюзии; страусиная политика, самообман’ [Словарь китайских идиом, 2019, с. 1666]. Для понимания значения нужно представить древнекитайскую притчу о глупом человеке, собравшемся украсть колокол, висевший у дверей богатого дома. Это притча периода Весен и Осеней, совершенно подлинная с указанием имен и мест: дело происходило в Царстве Цзинь при правителе Чжи-бо, уничтожившем род Фань. Вор решил прийти в опустевший дом и украсть что-нибудь ценное. Он увидел во дворе большой колокол и решил его украсть. Он считал, что если заткнуть уши, то звона колокола не будет слышно, и задуманное будет успешным.

Для интерпретации образной основы ФЕ часто оказывается важным знание литературных источников разных эпох и жанров. Например, идиома 阿Q精神/ (буквально: ‘дух А-Кью’) означает ‘отказаться от борьбы и заниматься самоуспокоением, обломовщина’ [Словарь китайских идиом, 2019, с. 1], возникла путем соединения собственного имени главного героя повести Лу Синя «Подлинная история А-Кью» 阿Q (А-Кью) и слова 精神 (дух). Герой Лу Синя, нищий духовно крестьянин, живет воспоминаниями о своем прошлом, фантазиями о будущем, не замечая того, что в настоящем его нещадно эксплуатируют, всячески притесняют. Такое значение актуализируется в данной ФЕ.

Фразеологический фонд китайского языка развивается, как и любой другой, и аккумулирует культурно-исторический опыт, фиксируя определенные важные культурные смыслы исторических событий [Ли Ли, Ли Шуцзинь, 2018]. Так, ФЕ 焚书坑儒/ (буквально: сжечь книги и закопать конфуцианцев) означает ‘разрушение культуры и лишение свободы ученых’ [中华成语大词 / Словарь китайских идиом, 2019, с. 466]. Это выражение фиксирует историческое событие, которое произошло в период правления династии Цинь: в 34 год правления Цин Шихуана (213 г. до н.э.); годы правления

¹ Китайский император сидел на троне всегда лицом на юг: юг – сторона солнца, с югом связана живительная энергия, благое начало, а север – сторона холода, непредсказуемых стихий.

династии 221–207 г. до н.э.). Император считал, что ученые-конфуцианцы и их книги угрожают установленному им порядку и потому необходимо подавлять мысли и речи тех, кто выступает против централизованной системы. Он уничтожил культурное богатство, накопленное в доциньский период, убил более 460 ученых-конфуцианцев, оказавших огромное влияние на культуру.

ФЕ создаются и на основе образов, бытующих в различных областях искусств, и это тоже является универсальным их свойством. В китайском многожанровом национальном искусстве одни их виды являются элитарными (каллиграфия, живопись гохуа, резьба печатей и др.), иные широко распространены в народных массах. Китайцы называют «четырьмя искусствами» музыкальный инструмент (цинь), шахматы, книги (каллиграфию) и картины (живопись); а тушь, кисть, бумагу и тушечницу – четырьмя драгоценностями рабочего кабинета. Специфическое национальное искусство становится значительным источником образной основы ФЕ. Например, идиома *诗中有画*/ (буквально: *в стихах словно видишь картину*) в значении ‘о гармоничном сочетании текста и живописи’ [Словарь китайских идиом, 2019, с. 1305], чэньюй впервые используется в династии Сун, в предисловии Су Ши «*东坡题跋·书摩诘<蓝关烟雨图>*». (Такие картины с написанными на них стихами были широко распространены в Древнем Китае, достигшем расцвета в эпоху династии Тан (618–906 г.)).

Но гораздо чаще источниками образной мотивированности ФЕ служат повседневная жизнь и различные реалии, свойства которых оказывали на людей сильное впечатление, а также характеристики окружающих людей, важные наблюдения за связями и отношениями явлений в мире.

Например, фразеологизм *一浆十饼*, первоначально бывший свободным словосочетанием *一碗浆, 十个饼* (*похлебка да десяток лепёшек*), в современном китайском языке является устойчивым и имеет значение *比喻小恩小惠* ‘ничтожная милость; жалкая милостыня; мелкие подачки; мелкие услуги’. Те же процессы наблюдаются при образовании русских фразеологических сращений разного происхождения типа *очертя голову* в значении ‘смело до безрассуждства’. С изменением реалий обычай постепенно забывается, а словосочетание в связи с утратой мотивации переходит в разряд фразеологизмов.

Таким образом, рассмотрение универсальных источников образной мотивированности ФЕ на примере китайского языка позволяет еще раз акцентировать мнение ученых о том, что ФЕ любого национального языка в своей совокупности представляют собой целый комплекс историко-культурных знаний, которые передаются от одного поколения к другому, но при этом конкретный характер образов, представляющих важные для общества культурные смыслы, естественно, различается.

Становление и изменение системы базовых ценностей совершаются на основе языка и особенно его лексических элементов, которые фиксируют значимые для социума культурные смыслы. Наиболее специфические национально-культурные смыслы отражаются, стабилизируются в семантике ФЕ, превращаясь в культурные значения, сохраняя и поддерживая свою актуальность в течение значительного периода функционирования лингвокультуры.

Поскольку изменения в базовых ценностях представляются различными языковыми способами и средствами и в разное время, опираясь на последние, выявляя лингвистическими методами семантическую подвижность элементов языка, лингвист может моделировать содержание культурных смыслов и прогнозировать пути их изменения.

Анализ показал, что культурные коммуникативные модели, зафиксированные в ФЕ, становятся операциональными структурами, представляющими содержание базовых ценностей. Такие модели актуализируют традиционное содержание культурных смыслов, представляющих те или иные базовые ценности, и используются как экспрессивное средство коммуникации.

Выводы

Мы доказали предположение о том, что изменение системы ценностей наиболее специфически отражается в семантике ФЕ, которые стабилизируют культурные значения, актуальные для разных периодов функционирования социума, но при этом не исключаются их различные семантико-структурные вариации. Отметим два доминирующих типа изменений: внутренние структурные изменения фразеологизма (частичные изменения формы или состава конкретного фразеологизма), приводящие к расширению или сужению

его содержания; возникновение новых идиоматических единиц или их постепенная архаизация и исчезновение. Эти изменения доказывают, что семантическая подвижность ФЕ является показателем неустойчивости культурных смыслов в разные периоды существования социума и в разных социальных средах. При этом возможно диахроническое «обрастание» ФЕ культурными смыслами, расширение его символического содержания. Мы различаем семантическое изменение и семантическое его расширение и полагаем, что для репрезентации базовых ценностей более важно последнее, поскольку в этом случае возникшие в разное время значения фразеологизма сосуществуют синхронно и усложняют связи в иерархии ценностей за счет порождения дополнительных ассоциативных связей между национально-специфичными смыслами культуры.

Анализ ФЕ показывает, что с разрушением ценностных представлений постепенно трансформируется и ценностная структура слова, обозначающего аксиологическое понятие, а вслед за этим – содержание ФЕ, включающее ценностный компонент, вплоть до превращения его в антиценность. При этом толчком к развитию иного значения ФЕ может стать изменение их коннотаций, подвижность которых обусловлена сопряжением многих культурных смыслов в рамках одной ФЕ, а наличие структурной модификации не всегда ведет к изменению значения. Изменения здесь настолько разнонаправлены, что ФЕ диахронически может обозначать разные ценности.

Такие смыслы помогают присваивать систему ценностей, пропагандируемую государственными структурами и проявляющуюся в повседневной деятельности общества, одновременно вовлекая носителей лингвокультуры в традиции, обычай, обряды, коммуникативную деятельность, в которых тоже реализуются базовые ценности. И чем точнее, детальнее представляет носитель языка содержание и взаимосвязи таких символов, тем больше психологических оснований появляется для их присвоения. ФЕ по сути реализует те или иные смыслы, составляющие содержание базовых ценностей, причем многочисленные модификации фразеологизмов, особенно в разговорной речи, только способствуют их уточнению и экспрессивности.

Список литературы

Беляевская Е.Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 44–50.

Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований: монография. – Москва : Наука, 1976. – С. 73–92.

Зыкова И.В. Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое. – Москва : URSS, 2011. – 363 с.

Каган М.С. Философская теория ценности. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – 504 с.

Ковшова М.Л. Словарь лингвокультурологических терминов: идея, принципы, схема, опытный образец // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / редкол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – Москва : МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С.48–57.

Ли Ли, Ли Шуцзинь. Отражения национально-культурного аспекта в китайских и русских фразеологизмах // Вопросы журналистики, педагогики и языкоznания. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 37, № 4. – С. 542–553.

Лукьяннова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск : Наука, 1986. – 227 с.

Пицальникова В.А. История и теория психолингвистики. – Москва : Р. Валент, 2021. – 488 с.

Пицальникова В.А., Яо Чжипэн. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова 殷勤的 / / услужливый в китайской лингвокультуре // Известия ЮЗ ГУ. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9, № 1(30). – С. 56–65.

Плотников В.И. Ценностный мир человека и его судьба // Двенадцать лекций по философии. – Екатеринбург : Изд-во Уральской государственной юридической академии, 1996. – С. 193–224.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкоzнание. XI Международный съезд славистов. – Москва : Наука, 1993. – С. 302–314.

Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь. Большой словарь китайских чэньюэв. – Пекин : Международная коммерческая пресса Co., 2019. – 2003 с. [郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019. 2003页]

Юнг К.Г. Архетип и символ. – Москва : Ренессанс, 1991. – 297 с.

Ян Цзяньфэн. Китайские волшебные сказки. – Наньчан : Байхуачжоу, 2018. – 432 с. [杨建峰. 中国神话故事. 南昌: 百花洲文艺出版社. 2018. 432页]

References¹

Belyaevskaya, E.G. (2007). Kulturologicheskaya informatsiya v semantike leksicheskikh edinits [Cultural information in the semantics of lexical units]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 44–50.

Gak, V.G. (1976). K dialektike semanticeskikh otносений v yazyke [On the dialectic of semantic relations in language]. In *Principles and methods of semantic research* (pp. 73–92). Moscow: Nauka.

Zykova, I.V. (2011). *Kultura kak informatsionnaya sistema: duchovnoe, mentalnoe, materialno-znakovoe* [Culture as an information system: spiritual, mental, material and symbolic]. Moscow: URSS.

Kagan, M.S. (1997). *Filosofskaya teoriya tsennosti* [The philosophical theory of value]. Saint-Petersburg: Petropolis.

Kovshova, M.L. (2013). Slovar lingvokulturologicheskikh terminov: ideya, printsipy, skhema, opytnyyj obrazets [Dictionary of linguistic and cultural terms: idea, principles, scheme, prototype]. *Language, consciousness, communication*, 46, 48–57.

Li Li, Li Shuzhen (2018). Otrazheniya natsionalno-kulturnogo aspekta v kitajskikh i russkikh frazeologizmakh [Reflections of the national-cultural aspect in Chinese and Russian phraseological units] *Issues of journalism, pedagogy and linguistics. Series: Humanities*, 37(4), 542–553.

Lukyanova, N.A. (1986). *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya* [Expressive vocabulary of colloquial use]. Novosibirsk: Nauka.

Pishchalnikova, V.A., Yao Chzhipen (2019). Sluzhit by rad – prisluzhivatsya toshno, ili Dinamika znacheniya slova 殷勤的 / usluzhlivyj v kitajskoj lingvokulture [I would be glad to serve – it is sickening to serve, or the dynamics of the meaning of the word “helpful” in Chinese linguaculture. *Proceedings of the South-West State University. Linguistics & Pedagogics*, 9–1(30), 56–65.

Pishchalnikova, V.A. (2021). *Istoriya i teoriya psicholinguistiki* [History and theory of psycholinguistics]. Moscow: R. Valent.

Plotnikov, V.I. (1996). Tsennostnyj mir cheloveka i ego sudba [The value world of man and his destiny] In *Twelve lectures on philosophy* (pp. 193–224). Yekaterinburg: Publishing house of the Ural State Law Academy.

Teliya, V.N. (1993). Kulturno-natsionalnye konnotatsii frazeologizmov (ot mirovideniya k miroponimaniyu) [Cultural and national connotations of phraseological units (from worldview to worldview)]. In *Slavic linguistics. XI International Congress of Slavists* (pp. 302–314). Moscow: Nauka.

Zheng Weili, Zhou Qian (2019). 郑微莉, 周谦. 中华成语大词典 [A large dictionary of Chinese Chengyu]. Beijing: International Commercial Press Co.

Yung, K.G. (1991). *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: Renessans.

Yang Jianfeng (2018). 杨建峰. 中国神话故事 [Chinese fairy tales]. Nanchang: Baihuazhou.

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле American Psychological Association (APA) 6th edition.

Сведения об авторе

Пищальникова Вера Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, pishchalnikova@mail.ru

About the author

Pishchalnikova Vera A. – Doctor of Science in Philology, full professor, professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow, pishchalnikova@mail.ru